

Информация для цитирования:

Жданов С. С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 215—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239.

Zhdanov, S. S. (2024). Representation of Novorossiia in “Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 215-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

Жданов Сергей Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8898-6497
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
fstud2008@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре
конца XVIII—XIX веков (на материале
отечественных travelogov):
дискурсы, нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Representation of Novorossiia in “Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov

Sergey S. Zhdanov
orcid.org/0000-0002-8898-6497
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher
fstud2008@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01431
“Representation of Ukrainian space
in Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi”,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности репрезентации пространства Новороссии на материале травелога П. И. Сумарокова «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» в рамках семиотико-имагологического анализа. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественной гуманитаристики к новороссийской проблематике, в которой имеется ряд лагун. В связи с этим новизна исследования заключается в анализе элементов пространственной образности Новороссии, которая ограничена описаниями окрестностей Николаева, Херсона и Одессы, мало изученными в литературоведении. Выделены типы локусов на основе оппозиции «природность — антропоность». Природное пространство представлено прежде всего образом неосвоенной, опасной, неудобной степи, которому противопоставлены пространственные образы трех крупных новороссийских городов, обозначенных выше. Для последних установлены общие мотивы внезапного (чудесного) появления, быстрого роста и высокой степени упорядоченности. В качестве базового элемента, который характерен для всего пространства Новороссии, определен мотив фронтальности. Он актуализирован также в анализе сумароковской репрезентации новороссийского исторического пространства, чье смысловое ядро образуют сюжеты и персонаофера, связанные с эпохой Екатерины II и, в частности, с русско-турецкими войнами.

Ключевые слова:

травелог; имагология; П. И. Сумароков; Новороссия; художественное пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the representation of Novorossiia's space in Pavel Sumarokov's travelogue "Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799" within the framework of semiotic-imagological analysis. The research's relevance stems from the growing interest of domestic humanities in Novorossiysk issues, which exhibit certain lacunae. The novelty of the study lies in the analysis of spatial imagery elements of Novorossiia, primarily limited to descriptions of the surroundings of Nikolaev, Kherson, and Odessa, areas relatively understudied in literary studies. Loci types are identified based on the opposition of "naturalness — anthropogenicity." The natural space is predominantly portrayed as untamed, dangerous, and inhospitable steppe, contrasted with spatial images of three major Novorossiysk cities mentioned above. Common motifs of sudden (miraculous) appearance, rapid growth, and high degree of orderliness are attributed to the latter. The motif of frontieriness is identified as a fundamental element characteristic of the entire Novorossiia space. It is also actualized in the analysis of Sumarokov's representation of Novorossiia's historical space, whose core meaning is formed by plots and personae associated with the era of Catherine II and, specifically, the Russo-Turkish wars.

Key words:

travelogue; imagology; Pavel Sumarokov; Novorossiia; artistic space.

Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

© Жданов С. С., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос представленности образов новороссийского пространства в современной гуманитаристике имеет два аспекта. Во-первых, фокус научного внимания, актуализировавшегося особенно активно в течение последнего десятилетия, был первоначально сосредоточен на анализе крымского текста, который вследствие этого на сегодняшний момент является достаточно широко изученным, о чем подробнее, в связи с темой статьи, будет сказано ниже. Соответственно, образы Крыма как части Новороссии в широком смысле «заслоняли» в сфере научного внимания образы иных новороссийских территорий, составлявших долгое время периферию исследований данного имажинально-географического пространства в русской словесности конца XVIII—XX веков. Разумеется, речь здесь идет в первую очередь о представляющих для нас интерес литературоведческих штудиях. Те же работы, в которых тема Новороссии заявлена эксплицитно, посвящены современному текстовому материалу [Еременко, 2017; Ищенко, 2021]. Существуют также исследования, в которых рассматриваются образы отдельных новороссийских локусов, например, репрезентация Одессы в текстах первой трети XIX века [Панов, 2016].

Во-вторых, новороссийский текст мог рассматриваться как часть украинского текста. Так, в диссертации Т. В. Васильевой тема Новороссии возникает эпизодически в связи с екатерининским «новороссийским» проектом [Васильева, 2014]. В монографии А. В. Марчукова [Марчуков, 2011] образам Новороссии уделяется большее место, но также в рамках общей украинской образности.

Соответственно, тема нашего исследования, связанная с анализом репрезентации новороссийского пространства в творчестве П. И. Сумарокова, встраивается в актуальный научный тренд, отвечающий потребности осмыслить своеобразие феномена Новороссии в культуре России.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служит сумароковский травелог «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», подвергнутый семиотико-имагологическому анализу в рамках литературоведческой имагологии как научной отрасли, занимающейся изучением образов Своего и Чужого в литературных текстах. Цель же исследования созвучна идее Г. Башляра о создании «кадастра утраченных ландшафтов» [Башляр, 2004, с. 31] и заключается в выявлении набора характеристик, определяющих пространство Новороссии в указанном произведении.

При этом следует заметить, что хотя сумароковское «Путешествие...» нельзя назвать текстом, обделенным вниманием исследователей, в целом в данном вопросе наблюдается картина, аналогичная описанной нами во введении. Так, существуют работы, где травелог Сумарокова вводится (наряду с произведениями иных авторов) в контекст украинского / малороссийского текста русской литературы рубежа XVIII—XIX столетий [Киселев и др., 2015; Курьянов, 2018; Шаталов, 2016]. Кроме того, имеется целый корпус статей, посвященных почти исключительно крымской тематике в сумароковском творчестве [Галушко, 2022; Крюкова, 2018; Курьянов и др., 2014; Фарафонова, 2017], в том числе в сопоставлении с иными авторскими вариантами крымского текста [Адаксина и др., 2023; Орехов, 2021; Ситникова и др., 2023, Храпунов, 2022]. Отдельно следует выделить исследования, в которых произведения Сумарокова, связанные с посещением лиминального Юго-Запада Российской империи, рассмотрены в аспекте особенностей отечественной травелогической литературы рубежа XVIII—XIX веков в целом [Кублицкая, 2022; Куликова, 2008; Мамуркина, 2013; Соловьев, 2011]. Наконец, эпизодическое упоминание пространства Новороссии в сумароковском тексте встречается в работе Д. В. Шаталова [Шаталов, 2014], однако, во-первых, фокус авторского внимания в статье направлен на образ казаков, а не территории, во-вторых, «Путешествие...» здесь выступает лишь одним из множества материалов исследования.

В свете вышеизложенного отметим существенные лакуны в исследованности образности Новороссии в сумароковском тексте, которые и призвана заполнить наша работа, а именно, речь в ней идет о репрезентации новороссийского пространства за пределами Крыма, в которое также входит часть «бессарабского» фрагмента, связанного с посещением Сумароковым Одессы и ее окрестностей (до Тирасполя). При этом основная часть исследования организована в соответствии с логикой оппозиций «природность — антропность» и «повседневность — историчность», характеризующих соответствующие локусы «Путешествия...».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Природные и демиприродные образы Новороссии

В данном разделе представлена характеристика природных локусов, охарактеризованных наложением природности и повседневности, то есть речь идет о локусах дикой природы. К ним добавлены локусы демиприродные, связанные также с антропоностью: это уже природа окультуренная, соразмерная человеческому началу. При анализе данных локусов следует также иметь в виду замечание А. А. Куликовой, что данный текст Сумарокова «ближе к научным запискам путешествий XVIII века, чем к сентиментальной путевой прозе 1800—1820-х гг.» [Куликова, 2008, с. 242], соответственно, здесь нет пространных природных описаний, характерных для сентименталистского нарратива, да и само число их невелико.

Природные локусы Новороссии представлены прежде всего степью, образ которой маркируется масштабностью / простором («пространная степь» «от Елисаветграда до Николаева», «зрение теряется в отдалении»), плоскостью / отсутствием возвышенностей («положение мест везде плоское»), однообразностью, визуальной непривлекательностью / скукой для путешественника-созерцателя («переезд 172 верст есть самый скучный», «положение мест» «почти единообразное»), отсутствием лесов («На всем оном расстоянии нет ни одного дерева»); безлюдностью / пустотой («кроме для почт построенных землянок и двух небольших слободок, никакого селения при дороге не находится»; «необитаемость приводит путешествующего в некоторое уныние» [Сумароков, 1800, с. 5], «необитаемая степь» [Там же, с. 7]), неосвоенностью / неокультуренностью ландшафта («поля лежат необработанными» [Там же, с. 5]), отсутствием укрытий от внешней среды («несносный жар продолжается во весь день», «раскаленное светило» [Там же, с. 6]; «Жары в сем краю несносны, а росы почти никогда не бывает» [Там же, с. 19]) и пресной воды («ни из Буга, ни из Ингула воды по причине ее горькости и солёности пить невозможно» [Там же, с. 15]) (здесь и далее орфография и пунктуация текста Сумарокова приближены к современным. — С. Ж.). Соответственно, этот локус представляет собой суровое, противостоящее антропоности фронтальное пространство, характеризующееся прежде всего минус-описаниями, то есть отсутствием тех или иных свойств. Образы местной фауны аналогичны, им свойственна либо малочисленность («Зверей и птиц здесь весьма мало»), либо бесполезность и даже опасность по отношению к человеческому пространству. В последнем случае образы остранны-гротескны: здесь водятся змеи-«желтопузы», «длинною аршин до трех, а толщиною в оглоблю», что «кричат как гусаки»; пауки «величиною в кулак», живущие «в норах», прикрытых «толстой паутиной» [Там же, с. 6]; а также «тарантулы и со-

роконожки, род червя ядовитого, ...укушение его опасно» [Там же, с. 19]. Кроме того, нарратор, начиная с малороссийской границы, то и дело описывает тучи саранчи, угрожающие посевам. При этом, несмотря на ослабленную антропоность / освоенность пространства (причем образам жителей степи свойственны не только малочисленность, но и относительная маргинальность: «все беглецы из разных Губерний» [Там же, с. 6]), локус дороги среди степи охарактеризован достаточной упорядоченностью, то есть удобством и безопасностью: «проезд по оному безопасен и почты довольно исправны»; единственным проявлением неудобства / энтропии здесь является возможность поломки: «что у повозок... на сей степи ломается, ... починить и некому и не из чего» [Там же, с. 6].

Гораздо позитивней описываются окрестности вокруг Херсона и Одессы. Первый локус описан как «веселая равнина» (противоположность скучным степям до Николаева) [Там же, с. 20], изобилующая водной и растительной образностью: Днепр, «обширная река, имеющая с разливом своим верст до семи ширины, покрыта по разным местам тростником наподобие зеленеющего поля» (остраненный образ реки-поля); имеется даже «небольшой лес» на острове перед городом [Там же, с. 21]. Впрочем, описание местности амбивалентно: другой берег Днепра занимают «пространные Нагайские степи» [Там же, с. 21].

Еще большей изобильностью, веселостью (визуальной привлекательностью), несмотря на плоскость / равнинность, а также обилием растительности и птиц маркировано пространство от Николаева до Очакова и дальше до Одессы: «Переезд от Николаева... идет ровною площадью, где мало видно приметных возвышений. Кряж земли тут есть добрый чернозем; тучные и веселые пастбища испещрены цветами; великое множество драхв, стрепетов и *других* птиц различными между собою стаями отдаляются, и пустынная эта страна ждет только рук к своему возделыванию» [Там же, с. 191—192]. Соответственно, здесь относительно пустое фронтальное пространство Новороссии есть пространство проектное, локус будущего, богатый потенциями развития. Еще более акцентирован и обобщен этот мотив скрытых потенций в изображении степи между Очаковым и Одессой, определяемой также водностью: «Вся сия степь почти не населена, но все имеет к тому выгоды, исключая леса, которого на всем ее пространстве нет ни единого дерева. Кряж земли по оной хлебодородный, сенокосы самые превосходные; птиц различных родов великое множество, и воды для поселений было бы достаточно. Великая произошла бы от умножения на ней, равно и на лежащих в окрестностях Херсона и Николаева степях, жителей для всего здешнего края польза; ибо сии три важные города получали бы все жизненные потребности без затруднений,

меньшею ценою, и внешняя торговля от того бы возвысилась» [Там же, с. 211—212]. Сюда же относится и характеристика бессарабского поселения Маяк, где «плодоносная степь доставляет... средства к размножению скотоводства и... обогащению» [Там же, с. 226—227]. Отметим попутно, что орнитообразы, связанные с пространством неба, противоположны по смыслу образам гадов и насекомых пространства бесплодной земли. Связь орнитообразности с водностью и антропоностью, благодатностью локуса для человека подчеркнута в образах бусел, то есть аистов, гнездящихся за Одессой в деревнях: «они живут и выют свои гнезда на избах» [Там же, с. 227]. Образ гнезда аиста на крыше дома — один из наиболее близких к идиллически-сентиментальному нарративу, насколько это вообще возможно для травелога Сумарокова.

Также природному образу безводной, неудобной и пустой / скучной степи на пути в Николаев в тексте противопоставлен демиприродный образ «первого» (в смысле лучшего) «гулянья для всего города» в николаевских окрестностях, в Спасском [Там же, с. 15]. Данный локус маркирован как визуальной, так и ольфакторной привлекательностью («прекрасное это местечко», «сильное от цветов и пахучих трав благоухание услаждало обоняние»), неравнинностью / неплоскостью (расположен на «пологом берегу Буга» в ущелье), обилием растительности («дикий виноград, белый шиповник и плодоносные деревья»), водностью («чистый ручей», фонтаны) и соответственно тенистостью / прохладой, противопоставленными невыносимой жаре степи, где негде укрыться, — все это актуализирует образ уютного «приятного» «убежища», в котором можно отдохнуть от энтропийного давления пространства степи [Там же, с. 15]. Мотиву скучности степи противопоставлен мотив веселья гулянья («духовая музыка увеселяла нашу прогулку», «увеселительный Молдаванский дом») [Там же, с. 15]. Кроме того, отметим смешение природных и ургийных (обусловленных вмешательством человека) черт в описании этого локуса, причем соединяющихся друг с другом так, что не вполне понятно: были плодоносные деревья или шиповник специально насажены рядом с диким виноградом или выросли сами, «изгибистые дорожки» — это «естественные» тропы или плод трудов садовника [Там же, с. 15]. Не вызывает сомнения лишь артефактный характер увеселительного дома, беседки и фонтанов, которые к тому же «снабжают весь город водою» [Там же, с. 15], то есть сочетают эстетическую и утилитарную цели.

Еще один подобный локус кратко описан Сумароковым в поселении Богоявленском вблизи Николаева: «хороший Английский сад с проведенными для воды каналами» [Там же, с. 19]. Таким образом, зафиксированы усилия человека по освоению пространства степи, преобразованию энтропийного, опасного элемента в уютно-антропную территорию.

Наконец, стоит упомянуть своеобразный демиприродный локус каран-тина, весьма подробно описанный автором в Очакове. Это место отмечено амбивалентностью: с одной стороны, представляя собой пространство смертное, что дополняет мотив опасности фронтальной Новороссии, находящейся в том числе под угрозой распространения болезней из прибывающих кораблей, и даже преступно-маргинальное: работают в карантине каторжники, колоритный образ одного из которых дан нарратором («Вид одного немилостивого караульного с вырванными ноздрями, с зверским лицом, облеченного с головы до ног в черное кожаное платье и держащего в руке на место алебарды предлинный крюк, символ смерти, привел меня в содрогание» [Там же, с. 220]). С другой стороны, смертность в некотором плане упорядочена и целерационально ограничена людьми: находящиеся в карантине распределены по отдельным дворикам в зависимости от количества дней пребывания и проявленности болезни и могут общаться с близкими в особой «Разговорной комнате» через частую решетку, также имеется «огороженное кладбище, на котором скрытым образом без навлечения страха обывателям Очаковским и самим пребывающим в карантине погребаться должны умирающие от заразы» [Там же, с. 200]. При этом усилиями начальника карантина последнему приданы черты демиприродного садового локуса сада, смягчающие мотив опасности: «Господин Матисас <...> поделал Англинские усыпанные песком дорожки, рассадил деревца и кусты, где заключенные путешественники, благодаря его попечению, находят в своих двориках приятное для себя гулянье. Оные простираются до самого Лимана, на берегу которого построены шесть отделанных беседок по числу шестинедельного карантинного срока, куда каждого разбора пассажиры... сходятся... восхищаться тут величественною картиною природы» [Там же, с. 200—201]. В целом для локуса характерны сочетания мотивов эстетики и утилитарности, высокой упорядоченности, что подчеркнуто чертами светлости, чистоты, покоя: «Выгодность во всех расположениях, придуманные к спокойствию и приятностям для удержанных здесь затворников разные вещи, порядок и чистота приводят всякого в удивление <...> казармы военных людей, содержащих караулы в карантине... пространны, опрятны, светлы, снабжены всеми потребностями» [Там же, 1800, с. 201—202].

3.2. Урбанистические и рустикальные локусы Новороссии

Антропоное пространство Новороссии представлено различными урбанистическими (городскими) и рустикальными (деревенскими) локусами, среди которых особо выделены образы Николаева, Херсона и Одессы.

Общим мотивом для описания всех трех локусов является мотив внезапного появления и быстрого роста поселений, что актуализирует проект-

ный смысл, присваиваемый упорядочиваемому фронтальному пространству Новороссии: приводящее нарратора «в изумление» «преобразование глухой и необитаемой степи в течение трех лет в хороший город» [Там же, с. 7] (о Николаеве); «Множество определенных полков к произведению в нем построений, притом великое казны иждивение, в нескольких миллионах состоящее, претворили пустую степь в течение малого времени в знаменитый город, который подал о себе великую надежду» [Сумароков, 1800, с. 20] (о Херсоне); «явление возрожденного сего града привело меня в чрезмерное удивление<...>Возможно ли, <...> чтоб у Россов только три или четыре года на то было достаточно?» [Там же, с. 212] (об Одессе). Отметим повторяющийся мотив удивления / изумления от непосредственного созерцания нарратором локусов, о которых он, разумеется, слышал ранее, но реальность превзошла его ожидания, а также мотив чудесного вмешательства, подчеркивающий стремительность изменений пустого пространства степи в заполненный людьми и зданиями урбанистический локус. Если в случае Николаева мотив чуда проявлен в «сжатой» форме, выражен через эпитет «чудотворное» (преобразование) [Там же, с. 7], то относительно Одессы Сумароков прибегает к античной мифообразности: «Не Цирцея ли силою волшебства его произвела?» [Там же, с. 212]; «город, как некое чудо вышедшее из земли» [Там же, с. 214]. Мотивы новизны и быстроты появления городских локусов зафиксированы и в эпитетах: «новосооруженный град» Николаев [Там же, с. 7]; «появившаяся Одесса» [Там же, с. 189], «новозаводимый град», чьи «успехи» «пошли с чрезмерною поспешностью» [Там же, с. 214], «юная Одесса» [Там же, с. 215]. Мотив новизны в смысле соответствия современным стандартам также приписывается образам как Николаева («расположен в новом вкусе» [Там же, с. 7]), так и Одессы («построения» «все суть каменные новейшего вкуса» [Там же, с. 216]). Наконец, мотив новизны может актуализироваться в значении незавершенности / сохранения остатков неупорядоченности, в том числе виде пустырей как анклавов энтропийной «пустой» степи: «за неокончением построений» «находятся» в Николаеве «многие пустыри» [Там же, с. 7]; в Херсоне крепость «во многих местах еще не отделана» [Там же, с. 21]; «во многих местах (Одессы. — С. Ж.) находятся пустыри, ...заведения, иные начатые, другие более половины сделанные, а некоторые почти и к концу приведенные, остаются еще недовершенными» [Там же, с. 216], в гостинном ряду «15 лавок еще не окончены» [Там же, с. 217]; «Карантин уже более половины выстроен» [Там же, с. 220].

Кроме того, быстроменяющееся урбанистическое пространство Новороссии противопоставлено инокультурным городским пространствам, при этом подчеркивается уникальность первого: «У всех прочих народов для

построения и приведения в цветущее состояние города потребно целое столетие» [Там же, с. 212]. В рамках контекстной оппозиции «юность — старость» также актуализирована претензия новороссийских локусов на мировое признание: «Еще произведения Одессы не пришли к окончанию, как она сообщила уже о могуществе своем Эвксинскому понту» [Там же, с. 214]; «Юная Одесса овладела степенью между древнейших и славных городов других Держав» [Там же, с. 215].

Можно предположить, что образы стремительно возникших городов в степи имплицитно связаны с образом возникшего на болотах Петербурга, также проектного (специально задуманного) и порождающего соответствующие мифологемы топоса, который в кратчайшие сроки стал значимой европейской столицей, что в целом характеризует Россию как пространство «быстрых» городов. Как бы то ни было, в сумароковском тексте актуализирован мотив соперничества городов Новороссии со столицей империи: «Херсон занимает степень между первейших в России городов», а его здания «могли бы в самой Столице служить украшением» [Там же, с. 21]; Одесса же «по своему местоположению не только что далеко превосходит все прочие наши порты, но со временем может вступить в совместничество даже с Петербургским» [Там же, с. 212]. Таким образом, оппозиции «столица — провинция», «север — юг», «цивилизация — дикость» в сумарковском тексте остраиваются и до некоторой степени сглаживаются. Так, в николаевском соборе нарратор попадает в ситуации пространственной неопределенности созерцателя: «...нашел в оном довольное стечение людей, хор приятно и искусно поющих певчих, и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты и в стране, где незадолго пред сим и звери не учреждали своего обиталища» [Там же, с. 14]. Это придает описанию крупных городов Новороссии некую мифопоэтическую сакральность и значение центров упорядочения энтропийного «пустого» пространства. Сравните с характеристикой Одессы: «В стране оной, до того пустынной, толпы народа... воспели свое блаженство» [Там же, с. 221]. Отметим и мотив внутренней конкуренции городов в новороссийском пространстве, где вперед выбивается Одесса: «Со времени появления Одессы, сей город, обратя к себе всю торговлю, лишил Херсона славы и совершенно его унизил» [Там же, с. 24]; «по появлении Одессы суда» к берегам Очакова «уже не пристаю» [Там же, с. 202].

Города также маркированы мотивами величины / масштабности и регулярности / правильности застройки: «Николаев довольно обширен», «Улицы в нем прямые без переулков, одинакой ширины» [Там же, с. 7], «огромное здание» Адмиралтейства [Там же, с. 12]; Херсон «довольно велик», «выстроен по плану», в нем «огромный Арсенал» [Там же, с. 21],

«большой» гостиный двор [Там же, с. 23], «прямые, широкие» улицы Греческого форштата и в целом «больше тысячи домов» [Там же, с. 24]; в Одессе отмечены «огромные» здания, «широкие правильные» улицы [Там же, с. 212], «большие здания» [Там же, с. 214], «большие прямые улицы» [Там же, с. 215], гавани, сделанные «широко», «пространная» крепость [Там же, с. 219]. Мотив правильности связан здесь с мотивом визуальной привлекательности и надежности, что в сумароковском тексте выражено через эпитет «хороший»: николаевский «собор с весьма хорошою внутренностью» [Там же, с. 7]; «мечеть, преизрядное из камня с хорошим фасадом строение» в Терновке, турецкой колонии под Николаевом [Там же, с. 9]; «много хороших» зданий и домов, «хорошее земляное укрепление» крепости, «хорошие фасады» строений [Там же, с. 21], «много хороших домов» греческого форштата в Херсоне [Там же, с. 23], которому все его части «придают» «весьма хороший вид» [Там же, с. 24]; «хорошие обывательские строения» Одессы [Там же, с. 212], ее «хорошо обработанная» земляная крепость [Там же, с. 219]. Мотив визуальной привлекательности также может быть выражен и иными эпитетами: «Местоположение Николаева величественно и красиво» [Там же, с. 8], «величественный Николаев» [Там же, с. 190], «весьма приятное» местечко Богоявленское [Там же, с. 19]; «положение» Херсона «величественно» [Там же, с. 20], строения его крепости «великолепны» [Там же, с. 21]; «величественный порт» Одессы [Там же, с. 214], «Положение Одессы... весьма красивое» [Там же, с. 215].

Кроме того, образы новороссийских городов маркированы отсутствием леса, с одной стороны, и доступностью камня, с другой, поэтому многие строения в них каменные, например, Николаев «имеет до 800 домов, построенных из камня, и большую часть с колоннами» [Там же, с. 7]. Даже в Богоявленском есть «немалое число казенных и обывательских домов, построенных из камня» [Там же, с. 19]. При этом в Николаеве особо отмечена дороговизна древесины¹: «Дрова покупаются в Николаеве по 15 рублей сажень, а бревен почти и достать невозможно, от чего полы и потолки домов гораздо дороже стоят, нежели как самые стены. Напротив, каменное строение они имеют за весьма низкую цену <...> Причиной тому есть великое множество камня, который, ноздреват, тешется как мел, но со временем от воздуха твердеет и делается прочным» [Там же, с. 18]. Каменность характерна и для изображения Одессы, отмеченной «изобилием» того же камня, что и Николаев [Там же, с. 217]: «каменные строения» [Там же, с. 212]; «ка-

1 Николаев, как указывалось, определен отсутствием питьевой воды в отличие от Херсона и Одессы. В последней отмечено множество локусов колодцев: «С пресною водою в городе по дворам 18 — близ оного по балке с тяглыми колесами 12 — старых Турецких починенных 13» [Сумароков, 1800, с. 216].

менные мостовые» и «построения по ним, исключая малого числа деревянных домов, все суть каменные» (общим числом 505), три начатые каменные церкви (при одной деревянной) [Там же, с. 216], каменные гостиные ряды [Там же, с. 217], гавани, обложенные «вокруг камнем» [Там же, 1800, с. 218], «каменные казармы» [Там же, с. 220]. В Херсоне, где деревянных зданий больше, тем не менее также зафиксирована нехватка леса: «Окружающие Херсон... пространные степи... причина затруднений, также невыгодностей в получении здесь леса. Днепр доставляет его, равно как и хлеб, из Польши довольно дорогою ценой, и отсюда уже отправляется лес сухим путем в Николаев» [Там же, с. 22]. Наконец, нехватка древесины обуславливает его замену тростником в качестве источника энергии (в Херсоне «тростник для здешних жителей служит вместо дров, который они зимою для себя запасают» [Там же, с. 24]) и даже кизяком, что актуализирует отрицательный ольфакторный маркер Николаева: «Худой запах... от топления кизяком и тростником, притом начинающийся жар принудили меня оставить мою прогулку» [Там же, с. 8]. Разумеется, эти маркеры характерны не только для больших городов, но для многих малых поселений, что отмечено автором на пути в Николаев: «На всем... расстоянии нет ни одного дерева, и жители делают... хаты, равно загоры, из камня, лежащего на поверхности земли в великом количестве, а топят кизяком» [Там же, с. 5—6].

Фронтирность Новороссии в городском пространстве проявляется как потенциальная конфликтность с соседями, что выражено в наличии множества военных локусов: арсеналов, казарм, военных форштатов, крепостей. Большое значение придается локусам адмиралтейств, обеспечивающих власть на море: «Адмиралтейство Николаевской есть верховное место над всеми портами Черного и Азовского морей...» [Там же, с. 13—14]. Не меньшей важностью отмечено херсонское адмиралтейство, «служащее цитаделью крепости», «то место, где готовится хлебный запас и сооружаются корабли для всего Черноморского флота. ... Адмиралтейство последнего [Николаева. — С. Ж.] занимает только начальство, а обращения и истинная цель всех Черноморских вооружений принадлежат к Херсонскому» [Там же, с. 22], то есть здесь проявляется скрытый мотив конкуренции между Херсоном и Николаевом. В Херсоне отмечен и локус литейного двора для изготовления пушек. Более того, Сумароков вносит амбивалентность в описание Херсона, указывая на его неудачное расположение с точки зрения кораблестроения: «Все делаемые здесь корабли спускаются на комелях порошние до глубокой пристани в 30 верстах отсюда отстоящей, и там уже оные вооружаются. Почему и сожалительно, что при избрании для города места последовала в том важная ошибка; ибо Херсону при сей-то пристани над Лиманом находиться бы надлежало» [Там же, с. 23].

Одесса, в отличие от Николаева и Херсона, изображена прежде всего как локус мирного, торгового, владычества России на юге, хотя и здесь отмечен локус крепости, уставленный «в несколько ярусов батареями» [Там же, с. 219]. Мирность «торговой» Одессы акцентирована как в прошлом (момент создания), так и в будущем: в настоящем тоπος страдает от «повсеместной войны», но, благодаря усилиям русского монарха «целой Европе поставить повсюду тишину», нарратор ожидает, что «сей славный порт получит новую славу, отворит врата обогащению внутри России и... восторжествует» [Там же, с. 222]. При своем возникновении Одесса «сообщила уже о могуществе своем Эвксинскому понту», причем в данном фрагменте актуализирован мотив удивления от созерцания нового города, присущий уже не только нарратору, но и иностранцам: «Вдруг до 60 кораблей Австрийских, Неаполитанских, Турецких и Греческих во изумлении приплыли к ее берегам» [Там же, с. 214]. Аналогично, в рамках хозяйственной сферы, описан в тексте и Херсон («Купеческие суда из разных Европейских стран начали приставать к его порту; торговля явилась в цветущем состоянии; учредились конторы, и флаг Российский разведал даже у марсельских берегов, немалое число иностранцев поселились в нем для торговли» [Там же, с. 20—21]), но, как отмечалось, его торговое значение перешло затем к Одессе. Именно последняя оказывается лучше всего охарактеризованной в хозяйственном отношении. Если в Николаеве автор по случаю описывает увиденные в адмиралтействе машины «для точения меди и крепкого дерева» [Там же, с. 12], для изготовления краски, а при изображении Херсона упоминает «бывшие монетный и литейный» дворы [Там же, с. 21], то в рамках одесского топоса зафиксированы три фабрики, шестнадцать заводов, восемь мельниц, не говоря уже о более пятисот лавках [Там же, с. 216]. Неудивительно, что значительнейшим локусом Одессы выступает порт, описанию которого посвящено несколько страниц и который связан с мотивами упорядоченности / искусности («насыпи искусством, многими трудами и великим иждивением утвержденные» [Там же, с. 218]), спокойствия («самое тихое и спокойное пристанище великому числу судов»), удобства / безопасности, в том числе от портящих корабли водяных червей (Одесса «в водах своих тех вредоносных насекомых не имеет» [Там же, с. 219]). Исключительность одесского топоса в хозяйственной сфере империи подчеркнута также тем, что ее таможня «имеет право получать ценные товары, каковой привилегии, исключая Рижского, другие порты не имеют» [Там же, с. 220]. В целом, Одесса изображена как медиационный локус, замыкающий на себя торговые сношения: «Прилегающая к ней обширная Польская Украина не имеет..., другого выхода... своим произведениям <...> Иностраннных земель, как то, полуденной Гер-

мании и Франции, всей Италии, Архипелагских островов, Турции, Анатолии и Египта купеческие суда удобнее пристани в России иметь не могут. ...она есть средоточие всей нашей торговли и надежное для Империи сокровище» [Там же, с. 221—222].

Одесса в значительной мере отмечена чужестыю: в ней живет много иностранцев, действует «иностраннный магистрат», разбирающий «дела приезжих чужеземцев», здесь находится место «пребывания Неаполитанского Консула» [Там же, с. 220]. Впрочем, этот маркер характерен для всех трех больших новороссийских городов. В Николаеве отмечены Греческая церковь и торговые ряды, где «греческие купцы промышляют своими товарами» [Там же, с. 7]. Значительный «ориенталистский» фрагмент представляет в тексте описание вышеупомянутой турецкой Терновки, состоящей «из числа пленных под Очаковом, которые по размене пожелали остаться жить в нашей Империи» [Там же, с. 9] (это первый непосредственный опыт столкновения нарратора с турецкостью в Новоросси). Здесь локусу «турецкого крестьянского дома», изображенного с элементами экзотизма, свойственны характеристики чистоты («опрятный и хороший диван» [Там же, с. 9]) и восточной лени (сублокус особой каменной ступенчатой площадки возле дома для удобства «садиться верхом и сходить с лошади» [Там же, с. 10]). В Херсоне же автор упоминает целый Греческий форштат с «иностраннными трактирами» [Там же, с. 23], а также местопребывание Австрийского Консула [Там же, с. 24].

Фронтирная Новороссия характеризуется и религиозной гетерогенностью. В пространстве Херсона зафиксированы «три церкви: Российская, Греческая и Католическая» [Там же, с. 23]; в Одессе же — «старообрядская» церковь и «Еврейская школа» [Там же, с. 216]. Слобода Маяк как часть русско-турецкого фронта описана как своего рода анклав старообрядцев, «бежавших к Туркам» [Там же, с. 226].

Образы Николаева, Херсона и Одессы «затмевают» репрезентации прочих новороссийских местечек, многие из которых лишь упоминаются, а не описываются, оставаясь точками на пути Сумарокова. Описание других антропных локусов, как правило, амбивалентно. С одной стороны, мы имеем дело с мотивами малоразмерности поселения, непривлекательности его сублокусов (в противовес масштабности и значительности трех главных городов): Миргород¹ (на самом деле Новомиргород) «непространен, худо выстроен» [Там же, с. 2]; «весьма неважны» «построения» [Там же,

1 Миргород в контексте статьи важен и потому, что именно в связи с данным локусом косвенно упомянута Новороссия, нигде больше напрямую не названная: «В нем имеет пребывание Митрополит, носящий титул Новороссийского и Днепровского Первосвященника» [Там же, с. 2].

с. 24] Елисаветграда; «В Кизекермене нет ни единого порядочного дома, и оный будучи составлен из лачужек более походит на необширную деревню» [Там же, с. 25]; «теснотой» и «малым числом обывательских домиков» [Там же, с. 192—193] маркирован Очаков, «самая неважная слободка» [Там же, с. 196], «разрушенный и в бедную деревеньку претворенной град» [Там же, с. 192], чей форштат состоит из деревянных «домиков», имеющих «вид хижинки» и где торговцы «промышляют в своих лавочках мелочными вещами, большею же частью шинками, и нет из них не только порядочного купца» [Там же, с. 196]. Мотив малоразмерности в последнем случае подчеркнут диминутивами (слободка, домики, хижинки, лавочки). Аналогичны характеристики Кинбурнской крепости, форштат которой состоит из «30 домиков» [Там же, с. 205], и Овидиополя, «небольшого и худо выстроенного городка» с «земляной крепостцей» [Там же, с. 223]. С другой стороны, в тексте имеются положительные характеристики расположения новороссийских локусов, связанные прежде всего с их демиприродным окружением: «изрядное положение» Кизекермена [Там же, с. 25], «весьма красивое положение» Очакова [Там же, с. 194], «необычайное положение» Кинбурна, которое «чрезмерно красиво и великолепно» [Там же, с. 204], «наипрекраснейший вид» (тогда еще турецкого) Аккермана, или Белграда [Там же, с. 223], «красивое местоположение Маяка» [Там же, с. 227].

Мотивом, общим для больших и малых поселений Новороссии, является гетерогенность этнокультурного элемента. Население форштата Очакова составляют «Греки, Польские Жиды, Малороссияне и Русские сходцы» [Там же, с. 196]. Сами очаковские сублокусы маркируются русско-турецкой переходностью: некоторые «хижинки» «еще Турецкого построения», а одна мечеть «освящена в нашу церковь» [Там же, с. 196]. Более фронтирный, находящийся на границе с османскими владениями Овидиополь отмечен еще меньшей рускостью и в целом неавтохтонностью, что свойственно фронтирным территориям колонистов: «Жители оного суть большей частью Молдаваны, также Греки, а Россиян здесь весьма мало. Они все выходцы» [Там же, с. 223—224]. Жители же Маяка носят «обыкновенное Русское крестьянское одеяние», при этом «большая из них часть говорит по-Турецки и по-Молдавски» [Там же, с. 226].

Несколько выбивается из описаний периферийной Новороссии репрезентация Очакова, но это объясняется его историческим значением, о чем будет сказано ниже. В современной же Сумарокову действительности Очаков вместе с Кинбурном представляют собой прежде всего защитное укрепление на юге империи: «Очаков по весьма важному своему положению может назваться ключом Лиману <...> в случае прохождения из Черного моря в Лиман неприятельского судна, оно... при претерпении с Очаковско-

го и Кинбурнского берегов поражений должно непременно вступить в ... опасный проход, где по снятии бакенов гибель его будет почти неизбежною» [Там же, с. 197—198]. При этом военное значение локуса является потенциальным, поскольку нарратор акцентирует его мирность: «мирная» слободка [Там же, с. 197].

3.3. Новороссийское пространство исторической памяти

Историческое пространство Новороссии в тексте представлено как антропными (поселения), так и природными / демиприродными (поля сражений) локусами и может быть разделено на три темпоральных слоя.

Первый составляет античный слой, установленный в первую очередь в репрезентации николаевского собора. Далее описан расположенный возле него камень, найденный «верстах в 30 отсюда при урочище Цари Камыши в Лимане» с «Греческой надписью» в честь «Стратона, благого путевода воев» [Там же, с. 16]. При описании же убранства соборного алтаря упомянут обнаруженный «в верстах в 40 отсюда, по ту сторону Буга, на развалинах древнего и известного города Ольвии» («урочище Сто Могил») «другой камень», «на коем старинной Эллинской надписи никто еще по сие время разобрать не мог» [Там же, с. 17]. К этому же слою относится маркирование Овидиополя как «того самого города Томес, куда от Августа был сослан Овидий» [Там же, с. 223]. Наконец, античный код актуализирован в рассматриваемом в статье пространстве Новороссии в гидронимах Днепра, «Бористеном в древности именуемого» [Там же, с. 20], и Понта Эвксинского [Там же, с. 214].

Второй слой можно условно обозначить как казацко-турецкий. К нему, с одной стороны, относится лиминальный локус Златополя, «недавно» служившего «границей между России и Польши, где видны некоторые земляные укрепления» [Там же, с. 2]. Кроме того, степь от Елисаветграда до Николаева охарактеризована как «прежнее владение Запорожцев» [Там же, с. 5]. О «турецком» элементе в Новороссии свидетельствуют различные топонимы, часто двойные, фиксирующие русско-турецкий лиминальный статус локуса: Бериславль-Кизекермень, построенный «при развалинах древнего *Кизекерменя*, в котором Турки содержали всегда свой гарнизон» и «памятником» существования которого «служат» «видимые ныне следы бывшей каменной крепости, ровов, многих домов» [Там же, с. 25]; Гаджибей-Одесса («Прежде, как Бессарабия принадлежала Туркам, на сем месте, где ныне Одесса..., у них находилась небольшая приморская крепостца, называемая Гаджибей» [Там же, с. 213]); Гаджидер-Овидиополь («Овидиополь по-прежнему назывался у Турок Гаджидер и был их местечком» [Там же, с. 223]); Аккерман-Белград. Вспомним и бессарабскую деревню Анчикрак, в которой «прежде было Турецкое селение сего

же названия и еще видны каменные стены их жилищ, признаки огородов и множество глубоких ям <...> для хранения хлеба» [Там же, с. 191].

Наконец, третий слой, иногда сложно отграничиваемый от второго¹, связан с активным продвижением Российской империи в юго-западное лиминальное пространство, следствием чего и стало активное формирование Новороссии. Это с позиции автора новейшая «живая» история эпохи Екатерины II, максимально приближенная к современности. Неудивительно, что данное пространство исторической памяти тесно связано с образами деятелей екатерининской эпохи. Так, фигурой Потемкина маркированы Златополь, «хорошее местечко, принадлежавшее прежде покойному Князю Потемкину» [Там же, с. 2], и Николаев, где нарратор обедал «в том самом Молдаванском доме, который для покойного Князя Потемкина привезен был из Кременчуга по почте» [Там же, с. 14]. В окрестностях Херсона отмечен локус «Александровского шанца, так названного от имени Графа Александра Ивановича Румянцева» [Там же, с. 20].

Поскольку данный темпоральный слой тесно связан с пространством насилия и славы в ходе русско-турецких войн, в нем актуализированы образы военной элиты. В Николаеве автором отмечено «то место, где Фельдмаршал Миних, шествуя для осады Очакова, стоял при берегу Ингула лагерем с многолюдною армией и где он строгий суд совершил над одним Генералом, разжаловав его в рядовые, а Полковника расстрелял из ружей» [Там же, с. 13]. При херсонском соборе упомянут локус «пирамид в память опочивающих здесь мужей»: «Тут погребен Принц Александр Виртембергский; тут лежит гремевший храбростью Генерал Барон Меллер-Закомельский, потерявший живот при взятии Килии, рядом с сыном своим, разделявшим с ним славу, и тут сокрыто тело Князя Волконского, с неустрашимостью пожертвовавшего жизнью своею при осаде Очакова» [Там же, с. 22]. Сублокус, связанный с Волконским, встречаем и в Одессе: «обширный дом Генерала Князя Волконского» [Там же, с. 212]. Это продвижение России на юго-запад зафиксировано также в общей репрезентации Бессарабии, «владения Порты, которая, сближая от победоносного нашего оружия внутрь себя свои

1 Например, определенную проблему составляет атрибуция сумароковского Миргорода. Рискнем предположить, что автор соединил образы двух городов — малороссийского Миргорода и новороссийского Новомиргорода. Характеристика локуса «древний пограничный Российский город Миргород» [Там же, с. 2] скорее приложима к первому городу, поскольку основание Новомиргорода относится к 1740 году и древним в 1799 году его вряд ли можно было назвать. При этом географическая привязка («на реке Виссе, впадающей в Синюху», в 2 верстах от Златополя [Там же, с. 2]) недвусмысленно указывает на Новомиргород. Еще больше дело запутывает исторический маркер: по Сумарокову, Миргород является «бывшей столицей Вознесенского Наместничества» [Там же, с. 2], тогда как Новомиргород, насколько нам известно, был уездным (не столичным) городом в составе данной административной единицы.

пределы, уступила в последнюю войну всю сию область России и перенесла отсюда за Днестр свои границы» [Там же, с. 191].

В наибольшей степени военно-мортальное пространство представлено в локусах Очакова и Кинбурна. Помимо места смерти Волконского, Сумароков посещает здесь место, где погиб генерал-майор Горич [Там же, с. 196], и место, «где Г. Максимовичу отрубили голову» [Там же, с. 209]. «Преглубокий овраг» маркирован смертью «посланного в ночную экспедицию» Г. Корсакова, который «упал и лишился жизни» [Там же, с. 209].

Наибольшей значимостью и, соответственно, эмоциональной окрашенностью в сумароковском тексте обладает связанный с локусом Очакова образ Суворова, который в отличие от большей части анализируемого нами рационально-просветительского фрагмента «Путешествия...» не только обладает мифопоэтическими чертами («бессмертный Князь Итальянский, Граф Суворов», «Герой»), но и становится триггером перемещения нарратора в онирическое пространство, представляющее собой своего рода батальное визионерство, оживляющее повествование о битве на Кинбурнской косе, где Суворов, дав туркам высадить «важный десант» и «укрепиться», «напал на оные превосходящие его силы столь поразительно, что все те дерзнувшие противустать сему Герою Музульманы погибли у ног Россов без исключения» [Там же, с. 205]. Ландшафт активизирует батальный ониризм созерцателя, подпитываемый, разумеется, его пред-знанием о значимости данного места: «...когда представился глазам моим... сей славный и наделавший толико шума в Европе Очаков, то сердце мое затрепетало и все свирепство бывшей тут войны представилось воображению» [Там же, с. 192]. Эмоциональности сцене добавляет гротескное пейзажное описание, где смешиваются антропно-мортальный (образ пролитой крови) и природный (образ вод) элементы: «Здесь-то ужасная смерть во всей ярости своей ополчалась, и здесь-то дымящиеся ручьи человеческой крови впадали в Лиманские воды, оставляя багровые по ним следы» [Там же, с. 205]. Также Сумароков условно обозначает другое место под Очаковым, где очередное «замысловатое предприятие» «беспримерного Князя» не имело такого успеха [Там же, с. 209].

Сам исторический Очаков (в противовес его современному мирному образу) и его окрестности отмечены энтропийным мотивным рядом ужаса, смерти, кровопролития, разрушения, безмолвия, запустения: «развалины», «где нет ни домов, ни жителей и где после шумящего и потрясавшего землю бранного оружия водворились необитаемость токмо и безмолвие <...> здесь нет других следов, кроме смерти и разрушения» [Там же, с. 195—196.]; в замке Гассан-Паши «нет иного строения, кроме разоренного домика Паши... Он по взятии крепости и форштата долгое время

один сопротивлялся, и стоил многой крови с обеих враждующих сторон» [Там же, с. 197]; «Какое ужасное тогда было зрелище для Очаковских жителей видеть на другом берегу совершенное истребление лучшего... своего войска!» [Там же, с. 205]; «отрывали в тех местах убиенных наших солдат во всем их одеянии» [Там же, с. 209]. Сумароков изображает здесь пространство, измененное войной, как противовес пространству современной мирно преобразовывающейся Новороссии. Очаков — во многом ахронный, застывший во времени пост-батальный локус-напоминание (отсюда и возможность перенестись в онирический хронотоп прошлого) с характерными маркерами войны: «великое пространство степи, *изрытое ямами и буграми*» [Там же, с. 192], со «следами разных укреплений» [Там же, с. 209] — землянок, батарей, ретраншементов, мест расположения палаток, а также с валяющимися «человеческими костями, «черепьями разорванных бомб» [Там же, с. 209]. Центром этого батального локуса выступает локус холма, который также переносит воображение созерцателя в прошлое: с этого места «Главнокомандующий посреди надежды и сомнения взирает на действия штурма» [Там же, с. 209].

В связи с локусом битвы за Очаков с его темпоральной неопределенностью между прошлым и настоящим мотив славы приобретает амбивалентность в сумароковском тексте. В начале очаковского фрагмента нарратор, созерцая пришедший в упадок город, в серии риторических вопросов философствует о бренности земной славы: «Где же, я мысленно себя вопрошал, его горделивость, где украшавшие его здания? куда сокрылась его слава? Все сие пало вместе со стенами, его окружавшими» [Там же, с. 192]. Завершая же описание поля битвы, Сумароков утверждает славу России: «...сии живые признаки остались трофеями славы победоносного Российского войска» [Там же, с. 209]. Повествование, однако, двигаясь по синусоиде, продолжается сценой, острающей и даже травестирующей пафосное утверждение. В одной из оставшихся после войны ям нарратор со спутниками видят змею-желтопуза, образ которой есть маркер, с одной стороны, дикого, природного пространства, а с другой — змея-трикстера. Соответственно, здесь мы имеем дело с пародийно-сниженным мифологическим сюжетом змееборства и в то же время повторением истории в виде фарса, причем с неоднозначным, в отличие от сюжета «большой» военной истории, концом: «Вот, сказал я, еще один из неприятелей здесь существует, и мы на бранных местах открыли вновь с ним войну, пуская в него отломками бомб; но худые канониры одолеть его не умели и с трудом могли только выиграть поле сражения» [Там же, с. 210].

Наконец, сочетанием батально-насильственных и созидательных исторических сюжетов отмечены пространства двух больших новороссийских

городов — Николаева и Одессы. В первом случае мы имеем дело с двумя сюжетами. Первый — история «иностранца Фабрия», имевшего на месте будущего Николаева «небольшой хутор»; Фабрий пострадал во время «последней с Портою войны» от набега турок, учинивших «насилие его жены», и продал затем свою землю имперским властям [Там же, с. 17] (следы этой войны Сумароков наблюдает в порту николаевского адмиралтейства: «множество взятых в плен у Турок судов» [Там же, с. 13]). Второй, сюжет создания Николаева, связан с образом М. Л. Фалеева, определенного «к строению назначенного города» [Там же, с. 18]. В случае Одессы образ адмирала Рибаса объединяет в себе черты разрушителя и своего рода локального демиурга, «ставшего из истребителя Гаджибея образователем оного», то есть сначала захватившего турецкую крепость, а затем основавшего «на развалинах Гаджибея город Одессу» [Там же, с. 214].

4. Заключение = Conclusions

Итак, репрезентация Новороссии в «Путешествии...» П. И. Сумарокова обладает значительной цельностью и базируется на мотиве фронтирности этого пространства, актуализированного в различных вариациях в рамках изображения природных и антропных (городских и деревенских) локусов, а также пространства исторической памяти.

В первом случае фронтирность выступает, с одной стороны, как неосвоенность энтропийного пространства новороссийской степи, маркированного «минус-мотивами» дикости, пустоты, малолюдности, безводности, безлесности, неуютности, опасности (угрозы со стороны климата, пресмыкающихся, насекомых). Впрочем, интенсивность проявления этих негативных черт варьируется: в наибольшей степени они присущи «северному» отрезку пути Сумарокова — от Елисаветграда до Николаева. Более благоприятными, изобильными и водными являются окрестности Херсона и Одессы. Впрочем, и в окрестностях Николаева нарратор упоминает позитивные демиприродные локусы, противопоставленные общей окружающей энтропии. С другой стороны, фронтирность может быть интерпретирована как проектность, богатство нереализованных потенций пространства, которое при увеличении уровня упорядоченности способно стать плодородным и антропно ориентированным.

Проектность характерна и для изображения урбанистических топосов, прежде всего локусов главных городов Новороссии — Николаева, Херсона и Одессы. Общими для этих образов являются мотивы новизны, чудесного появления посреди пустого пространства степи и быстрого роста, а также визуальной привлекательности, упорядоченности, масштабности, многонаселенности, но и незавершенности / недоосвоенности. Данные локусы

способствуют упорядочению пространства Новороссии как в хозяйственном, так и в военном (защита от угроз внешней энтропии) аспектах. При этом в локусах Николаева и Херсона ярче выражена сфера военная (безопасность морских границ), а в случае мирно-медиационного локуса Одессы — торгово-хозяйственная. Прочие городские и деревенские локусы, как правило, характеризуются маломасштабностью, неустроенностью, то есть более низкой упорядоченностью по сравнению с тремя вышеназванными. В то же время описанию демиприродных окрестностей «малых» поселений нередко свойствен мотив визуальной привлекательности, изобильности, то есть потенциально это тоже пространство роста. Общим для всех антропных локусов выступает мотив этнической и культурной гетерогенности, обусловленной фронтирностью Новороссии, ее лиминальностью на стыке разных пространств.

Историческое пространство Новороссии в тексте связано прежде всего с «новороссийским проектом» екатерининской эпохи, продвижением России на юго-запад с постепенным вытеснением, в том числе военным путем, Порты, и с соответствующей персонификацией — образами Потемкина, Румянцева, Суворова и иных представителей военно-административной элиты Российской империи, посланных осваивать «опасную» территорию. Частным случаем этого является образ локального «демиурга»-основателя города (Фалеева, Рибаса). Кроме того, большую значимость имеет историко-батальный образ Очакова, характеризующийся мотивами смерти, кровопролития, упадка, но также славы. Здесь же зафиксировано онирическое пространство батального визионерства, переносящего повествование в некое условное воображаемое прошлое битвы за Очаков. Наконец, выявлены значительно меньшие по объему «античный» и «казацко-турецкий» исторические пласты, последний обозначен в тексте лишь в общих чертах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. — Москва : Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. — 238 с.

Литература

1. *Адаксина С. Б.* Заметки ученых и путешественников конца XVII — начала XIX веков о Крыме и Крымском ханстве / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Археология Евразийских степей. — 2023. — № 3. — С. 311—324. — DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.311.324.

2. *Башляр Г.* Избранное : Поэтика пространства / Г. Башляр. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. — 376 с.

3. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства : образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 232 с.

4. *Галушко А. Д.* «Свое» — «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым / А. Д. Галушко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3—16.

5. *Еременко А. Ю.* Песни Новороссии : жизнь и борьба / А. Ю. Еременко // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории : материалы I Международной научно-практической конференции. — Краснодар : КГУ, 2017. — С. 287—292. — ISBN 978-5-8209-1403-4.

6. *Ищенко Н. С.* Иеротопия Донбасса в поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) / Н. С. Ищенко // Тетради по консерватизму. — 2021. — № 2. — С. 464—470. — DOI: 10.24030/24092517-2021-0-2-464-470.

7. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42.

8. *Крюкова Н. В.* Павел Сумароков о Крыме (на материале «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году») / Н. В. Крюкова // Ломоносовские чтения-2018 : сборник материалов ежегодной научной конференции. — Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2018. — С. 21—22. — ISBN 978-5-9500360-7-1.

9. *Кублицкая О. В.* Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

10. *Куликова А. А.* Путевая проза в русской литературе конца XVIII — начала XIX века / А. А. Куликова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2008. — № 4 (60). — С. 241—243.

11. *Курьянов С. О.* Крымский миф в сентиментальных произведениях П. И. Сумарокова / С. О. Курьянов, Я. В. Рыжман // Вопросы русской литературы. — 2014. — № 30 (87). — С. 216—222.

12. *Курьянов С. О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе / С. О. Курьянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2018. — № 6. — С. 765—770.

13. *Мамуркина О. В.* Жанровые традиции документальной путевой прозы в литературе конца XVIII — начала XIX века / О. В. Мамуркина // Пушкинские чтения-2013. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XVIII Международной научной конференции. — Санкт-Петербург : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2013. — С. 13—18. — ISBN 978-5-8290-1277-9.

14. *Марчуков А. В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время / А. В. Марчуков. — Москва : Регнум, 2011. — 294 с. — ISBN 987-5-91 887-012-9.

15. *Орехов В. В.* Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. — 2021. — № 15. — С. 194—213. — DOI: 10.17223/24099554/15/12.

16. *Панов А. С.* Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. / А. С. Панов // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2016. — № 2 (4). — С. 110—119.

17. Ситникова Г. В. «Вот изображение сего обетованного края» : Крым глазами русского путешественника конца XVIII века (к 240-летию присоединения Крыма к России) / Г. В. Ситникова, О. Н. Руднева // *Philologos*. — 2023. — № 3 (58). — С. 61—67. — DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67.

18. Соловьев А. Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 26 с.

19. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // *Научный диалог*. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

20. Храпунов Н. И. «Другие» на имперском пограничье: восприятие жителей Крыма в российских травелогах рубежа XVIII—XIX вв. / Н. И. Храпунов // *Астраханские Петровские чтения : материалы VI Международной научной конференции*. — Астрахань : АГУ, 2022. — С. 44—55. — ISBN 978-5-9926-1355-1.

21. Шаталов Д. В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества / Д. В. Шаталов // *Мир историка : историографический сборник*. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. — Выпуск 9. — С. 224—240. — ISBN 978-5-7779-1696-9.

22. Шаталов Д. В. Українські землі, імперська історія: козацькі пам'ятки у сприйнятті російських мандрівників кінця XVIII — першої половини XIX ст. / Д. В. Шаталов // *Харківський історіографічний збірник*. — 2016. — № 15. — С. 252—261.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.*

Material resources

Sumarokov, P. I. (1800). *A journey throughout the Crimea and Bessarabia in 1799, by Pavel Sumarokov. With a historical and topographical description of all those places*. Moscow: University printing House, at Ridiger and Claudia. 238 p. (In Russ.).

References

- Adaksina, S. B., Myts, V. L. (2023). Notes of scientists and travelers of the late XVII — early XIX centuries about the Crimea and the Crimean Khanate. *Archeology of the Eurasian steppes*, 3: 311—324. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.311.324. (In Russ.).
- Bashlyar, G. (2004). *Favorites: The Poetics of space*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 376 p. (In Russ.).
- Eremenko, A. Y. (2017). Songs of Novorossiya: life and struggle. In: *The work of V. I. Likhonosov and the actual problems of the development of language, literature, journalism, history: materials of the I International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: KSU. 287—292. ISBN 978-5-8209-1403-4. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).

- Galushko, A. D. (2022). "One's own" — "someone else's" in the description of Tavrida by P. I. Sumarokov. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 8 (1): 3—16. (In Russ.).
- Ishchenko, N. S. (2021). Hierotopia of Donbass in the poem by Elena Zaslavskaya "Novorossiya of thunderstorms. Novorossiya of Dreams". *Notebooks on conservatism*, 2: 464—470. DOI: 10.24030/24092517-2021-0-2-464-470. (In Russ.).
- Khrapunov, N. I. (2022). "Others" on the Imperial frontier: the perception of Crimean residents in Russian travelogues of the turn of the XVIII—XIX centuries. In: *Astrakhan Petrovsky readings: proceedings of the VI International Scientific Conference*. Astrakhan: ASU. 44—55. ISBN 978-5-9926-1355-1. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2015). "I travel with a peaceful soul under the domestic sky": the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century. *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. (In Russ.).
- Kryukova, N. V. (2018). Pavel Sumarokov on Crimea (based on the material "Travels throughout the Crimea and Bessarabia in 1799"). In: *Lomonosov Readings-2018: a collection of materials of the annual scientific conference*. Sevastopol: Moscow State University Branch in Sevastopol. 21—22. ISBN 978-5-9500360-7-1. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of "Mass Sentimentalism" Travels (P. I. Shalikov "Journey to Malorossia"). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Kulikova, A. A. (2008). Travel prose in Russian literature of the late XVIII — early XIX century. *Scientific notes of the Russian State Social University*, 4 (60): 241—243. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On the Ukrainian text in Russian romantic literature. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 6: 765—770. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2014). The Crimean myth in the sentimental works of P. I. Sumarokov. *Questions of Russian literature*, 30 (87): 216—222. (In Russ.).
- Mamurkina, O. V. (2013). Genre traditions of documentary travel prose in the literature of the late XVIII — early XIX century. In: *Pushkin readings-2013. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XVIII International Scientific Conference*. St. Petersburg: Pushkin State University. 13—18. ISBN 978-5-8290-1277-9. (In Russ.).
- Marchukov, A. V. (2011). *The image of Ukraine in the Russian consciousness. Nikolai Gogol and his time*. Moscow: Regnum. 294 p. ISBN 987-5-91 887-012-9. (In Russ.).
- Orekhov, V. V. (2021). The myth of the destruction of Chersonesos: an episode of the literary development of the Crimea. *Imagology and comparative studies*, 15: 194—213. DOI: 10.17223/24099554/15/12. (In Russ.).
- Panov, A. S. (2016). Ambivalence of the image of Odessa in the representations of Russians and Americans in the first third of the XIX century. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*, 2 (4): 110—119. (In Russ.).
- Shatalov, D. V. (2014). "Travel literature" of the beginning of the XIX century and the formation of the historiographical image of the Ukrainian Cossacks. In: *The world of the historian: a historiographical collection*, 9. Omsk: Publishing House of OmSU. 224—240. ISBN 978-5-7779-1696-9. (In Russ.).
- Shatalov, D. V. (2016). Ukrainian lands, imperial history: Cossack monuments in the perception of Russian travelers of the end of the XVIII — first half of the XIX century. *Kharkiv historiographic collection*, 15: 252—261. (In Ukr.).

- Sitnikova, G. V., Rudneva, O. N. (2023). "Here is the image of this promised land": Crimea through the eyes of a Russian traveler at the end of the XVIII century (to the 240th anniversary of the annexation of Crimea to Russia). *Philologos*, 3 (58): 61—67. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). "Journey to midday Russia" V. V. Izmailova in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. PhD Diss. Tomsk. 232 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*